

и точно датируемую временем Аменхотепа III ложечку с фигурой Беса, расцвет культа этого божества в ту эпоху, наконец, привлекавшие нами аналогии с реальными фигурками тавровщиц на туалетных ложечках и в монументальном искусстве, то датировка изучаемого нами памятника не должна уже вызвать сомнения. Совокупность признаков приводит нас ко второй половине XV в. до н. э., к той примерной дате, когда, вероятнее всего, и был создан наш памятник.

В заключение хотелось бы только указать, что во многих отношениях наша «плавальщица» уникальна. И дело не только в том, что в подобных мелких вещичках художник меньше был связан традиционными мотивами. Ведь самый туалетный сосудик в форме цветка лотоса крайне редко встречается в прочих известных нам ложках. Редок и материал. Все многочисленные фигурки «плавальщиц» делались обычно в дереве или же в камне, чаще всего в алебастре. Наша же ложечка почти целиком из слоновой кости. И это придает ей особую прелесть своеобразной ювелирной драгоценности. По своему характеру памятник является произведением мелкой пластики, но он в то же время стоит и на грани ювелирного мастерства. В египетской художественной промышленности эпохи Нового царства туалетная ложечка из Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина бесспорно принадлежит к числу мировых шедевров.

Проф. В. В. Павлов

LUCRETIANA

(Проблемы изучения Лукреция)

Известно, какое значение имеет для нас изучение истории античного материализма. Недаром в 1945—1946 гг. советская научная общественность во главе с Академией Наук откликнулась на редкую памятную дату — двухтысячелетие со времени смерти римского поэта-философа Лукреция. Между тем ряд проблем, связанных с изучением знаменитой поэмы «О природе вещей», до сих пор остается не вполне разрешенным. Правда, в статьях второго тома академического издания Лукреция (1947 г.) с разных точек зрения анализируется поэма Лукреция: рассматривается эпоха ее появления, источники поэмы, мировоззрение Лукреция, его поэтическое мастерство, мифологические образы, физика, биология у Лукреция. Однако, не говоря уже о порочной статье проф. Лурье (справедливо раскритикованной в № 4 ВДИ за 1948 г.), в этих статьях далеко недостаточно освещен существенный вопрос, без исчерпывающего разрешения которого невозможно научное понимание поэмы, — вопрос об историческом месте Лукреция в развитии античной и особенно римской философии и литературы, о поэме Лукреция как звене в развитии античной философии и литературы. Ведь только в зависимости от решения этого вопроса вполне выяснится актуальная в настоящее время проблема о самостоятельности творчества римского поэта, об оригинальности его философской мысли и поэтического мастерства.

Прежде всего возникает вопрос: какое место занимала материалистическая философия Лукреция и вообще эпикуреизм в борьбе античного материализма и идеализма, борьбе линии Демокрита и Платона? Ведь без уяснения этой связи мы не можем изучать ни одну, античную, философскую систему¹. В указанной выше книге развернутого ответа на эти вопросы мы не найдем, если не считать нескольких строк в статьях «Мировоззрение Лукреция» (стр. 115) и «Время Лукреция» (стр. 274). [Здесь придется остановиться на борьбе Цицерона против эпикуреизма с идеалистических позиций новоакадемической школы, на судьбе Лукреция и вообще эпикуреизма в императорскую

¹ См. передовые статьи ВДИ, 1948, № 2 и 1949, № 1.

эпоху, на борьбе эпикуреизма со стоицизмом, на вхождении его элементов в эклектическую философию Секстия, в философию Сенеки и т. д.

Далее, какова связь поэмы Лукреция с предшествующими греческими дидактическими поэмами *Περὶ φύσεως* («О природе»? Акад. И. И. Толстой в своей статье в той же книге отмечает лишь стиховую традиционную форму в виде гекзаметра, унаследованную Лукрецием от его предшественников (стр. 143). Между тем самые художественные поэтические элементы, которые довел до такого совершенства Лукреций, связаны не только с некоторой художественностью изложения Демокрита, но и с поэмами Парменида и Эмпедокла. Правда, Аристотель говорит, что Эмпедокла справедливо называть «скорее натуралистом, чем поэтом» (*φυσικώτερον μᾶλλον ἢ ποιητήν*, Поэтика, гл. 1), однако, как нам сообщает Дюгени Лазертский (VIII, 3), Аристотель все же считал его склонным к метафорам и к использованию других поэтических приемов.

Действительно, у Эмпедокла мы видим развернутое сравнение с тенденцией на поэтичность (поэтические эпитеты, см. например, сравнение дыхания человека с водяными часами). Поэма Парменида *Περὶ φύσεως* открывается картинным вступлением: поэт-философ несется на конях в колеснице; ее колеса «кружат Гелиады-девы, ночи покинув чертог»; поэт несется к вратам богини «Правды» (*Δίκης*), которая обращается к нему с речью и т. д.¹

Поэтому связи с предшествующими философскими поэмами, желательно было бы показать связь Лукреция и с его римским литературным окружением; ведь жанр дидактической поэзии был очень распространен в Риме в I в. до н. э. Кстати сказать, если Мемний, к которому обращается Лукреций, без сомнения реальное лицо, то самое обращение к определенному лицу является вместе с тем и литературным приемом дидактического жанра. Этот прием укоренился уже в дидактической литературе древнего Египта² и затем проходит в античной литературе, начиная от Гесиода (Феогнид, александрийцы, Катон) и кончая «Посланием к Пизонам» Горация.

Можно углубить связь Лукреция и с римским эллинизмом, которая обнаруживается не только в зависимости его описаний от памятников изобразительного искусства³, но и, например, в этимологическом толковании (выяснении причин) мифа о фригийской Великой Матери (II, 604—607; 640). Такие этимологические толкования в александрийском духе мы позднее встречаем, как известно, у Проперция и Овидия.

Остается почти незатронутым и вопрос об ораторстве Лукреция. Американские издатели Лукреция Лео и Смит⁴ рассматривают «реторические элементы» стиля Лукреция, но лишь с формальной стороны: они указывают на его «непоэтическую лексику» и конструкцию предложений и даже относят к риторическим элементам многочисленные аллитерации в поэме, которые у Лукреция являются прежде всего нарочитыми пародными и архаическими элементами его языка, а не риторическим украшением. Новейший английский издатель Лукреция Бэйли (т. I—III, Oxford, 1947) лишь формально говорит о риторическом повторении слов (т. I, стр. 156).

Лукреций пропагандирует материалистическую философию Эпикура со всей страстностью и патетичностью; его задача — доказать свои положения и всеми средствами убедить Мемния, а за ним всех римских читателей в истинности эпикурейского учения, завлечь, заинтересовать читателя, а для этого Лукреций не только поэтизирует сухой философский материал, но проявляет и чисто ораторское мастерство. Лукреций призывает Мемния внимательно отнестись к тому, о чем будет идти речь: «ты на пряги свой слух и прозорливый ум, чтобы внимать истинному учению» (I, 50 сл.); «теперь узнай, что остается и повнимательней слушай» (I, 921); «ты не забывай быть внимательным к моим словам» (*tu te dictis praebere memento*, II, 66); «ты усвой сказанное» (IV, 880); «предоставь мне тонкий слух и ум

¹ См. Diels, *Parmenides Lehrgedicht*, 1897.

² См. Н. П. Гуля, *Дидактическая афористика древнего Египта*, Л., 1941.

³ См. статью И. И. Толстого в ук. изд. Лукреция, стр. 159—161.

⁴ T. Lucrētī Carī, *De rerum natura libri sex*, Madison, 1942, стр. 166—186.

прозорливый» (IV, 912); «тем более я прошу, ты п а п р я г и свой слух и внимание» (VI, 920). Такой призыв к вниманию Лукреций везде помещает в предварительном вступлении к какой-нибудь новой теме¹. А в теории ораторского искусства, уже в ранней римской «Риторике к Гереннию» (*Rhet. ad Heren.*), давно было зафиксировано, что оратор, особенно во вступлении речи, должен возбудить внимание, сделать судью внимательным (*Rhet. ad Her. I, 4, 6 сл.: attentos habebimus... si rogabimus, ut attente audiant*). Но в ряде своих больших и малых вступлений Лукреций старается привлечь внимание к своему учению и тем, что называет предмет своего рассуждения «новым», «великим», «необычным». Он собирается рассуждать «о высшей сущности небес» (*de summa caeli ratione, I, 54*); он проходит по «бездорожным местам Пиэриды» (*avia Iosa*), по которым ранее не ступала ничья нога; ему приятно припасть к чистым источникам (*integros fontes*), «срывать новые цветы (*novos flores*)» и увенчать свою голову составленным из них венком, каким еще никому не венчали голову Музы, так как он трактует «о великих вещах» (*magnis de rebus*) (I, 926—931; = IV, 1—6); он призывает Меммия быть внимательным, потому что новый предмет (*nova res*) «сильно стремится достигнуть его слуха»; мироздание предстанет пред ним в новом виде (*nova species*) (II, 1022—25); поэт восхваляет величие своих открытий (*rerum maiestas*) (V, 1 сл.), он преносит необычный предмет (*insolitam rem*) (V, 100). И в римской риторике было отмечено, что, особенно во вступлении речей, мы тогда привлечем внимание слушателей и поразим их воображение, если обещаем говорить «о вещах великих (важных), новых, необычных» (*Rhet. ad Heren., I, 4, 7; si pollicemur nos de rebus magnis, novis, inusitatis verba facturos*). В этом ораторском приеме поразить читателя или слушателя прелестью новизны, необычностью явления или предмета Лукреций — предшественник тонкого ораторского мастерства Вергилия, который искусно применяет его, например, во второй песне Энеиды, где поражает читателя все более новыми и неожиданными картинками. Далее регорика учила, что во вступлении оратор должен разъяснить суть дела и расположить к себе судей, сделать судью расположенным (*benevolum*) и сведущим (*docilem*) и что это особенно важно тогда, когда судьи настроены не в пользу оратора. Всегда, предварительно разъясняя сущность предмета, о котором он будет говорить, Лукреций понимает и то, что его учение слишком радикально и неожиданно, что «толпа чуждается его» (V, 945; *vulgus abhorret ab hoc*); ведь он разрушает суеверия, укоренившуюся в римском обществе веру в загробную жизнь; восстает против такого государственного учреждения, каким была в Риме религия. Поэтому в своих вступлениях он всячески старается предварительно расположить к себе читателя. Он превозносит Меммия «как украшенного всеми дарами благэй Венеры» (I, 26 сл.), он хвалит его доблесть (*virtus*) и наслаждается его дружбой (I, 140, сл.); чтобы смягчить впечатление новизны своего учения, в своих вступлениях Лукреций говорит, что он вовсе не отрицает существования богов. Может быть, эту цель имеет и традиционное обращение к богине Вестере в начале I книги поэмы, описание обителей богов во вступлении к III-й книге (ст. 18—24) и признание Эпикура богом (V, 8), который вещал много и о бессмертных богах (V, 53). Лукреций таким образом старается придать всей доктрине характер какого-то божественного откровения (III, 14; V, 54). Таким путем Лукреций хочет расположить к себе и подготовить своего суеверного читателя к восприятию эпикурейского материализма. В одном месте (VI, 919) Лукреций говорит, что к его учению иногда «приходится подходить слишком длинными обходами» (*nitium longis ambagibus*). Все это опять совпадает с искусным подходом оратора, прибегающего к риторической «инсинуации» для убеждения и расположения к себе слушателей (см. *Rhet. ad Heren., I, 7, 11*). Вся система доказательств обнаруживает также ораторское мастерство Лукреция. Он строго расчленяет доказательства, намечая всегда темы рассуждения (*propositiones*)², старается исчерпать все аргументы (см. особенно в III книге), опровергнуть возможные возражения (*occupationes*), иногда переходя в стиль диатрибы. Особенно это видно в I книге,

¹ Например, I, 951—957; II, 62—66, 142 сл., 333—335; V, 55 сл. и т. д.

² Ср. I, 50—61; I, 921—950; II, 62—66; IV, 877—880, 907—915; VI, 917—920.

где после доказательств наличия материи и пустоты, а также свойств атомов опровергаются философские системы Гераклита, Эмпедокла и Анаксагора. Лукреций заботится об эффектной концовке в аргументации (например, такую функцию, несомненно, имеет поэтическая картина в конце рассуждения, рисующая трансформацию материи, I, 50—264); иногда к концу прибегается изысканная аллитерированная сентенция (например, VI, 1237: *cumulabat funere funus*; 1251: *temptaret tempore tali*), хотя в то же время Лукреций высмеивает «ласкающую ухо, изящно звучащую фразу» Гераклита (I, 643 сл.). Доказательства путем наглядных аналогий также были впоследствии зафиксированы риторикой (*παράβολαί, similitudines*); они попали позднее даже в риторические начальные упражнения — «прогимнасы» и впоследствии употреблялись Овидием, учеником ораторской школы. Далее для большего эмоционального воздействия на читателя Лукреций прибегает к «амплификации» — преувеличению, усилению, сгущению красок. Это особенно видно, например, в описании эпидемии в VI книге из сравнения с эпически спокойным описанием Фукидида. Описание Лукреция более патетично и эмоционально, чем у Фукидида. Он дополняет некоторые детали, чтобы усилить отталкивающую картину ужасной заразной болезни. Нужно заметить, что такое наглядное детальное описание эпидемии также позднее вошло в систему риторических упражнений (*λογοὶ ἑμφρασις*). Вообще аргументация Лукреция часто эмоциональна, патетична, и в этом сказались его ораторское мастерство. Недаром К в и н т л и а н, признавая трудность Лукреция, все же рекомендовал его читать оратору, называя его «изящным» (*elegans*, *Inst. or.*, X, 1, 87).

Ораторские приемы Лукреция прежде всего объясняются временем написания его поэмы, они тесно связаны с его бурной эпохой. Благодаря остроте современной Лукрецию классовой борьбы, красноречие быстро развивалось, приобретая все более страстный, патетический характер. На этой почве расцветал ораторский талант Цицерона, с которым Лукреций, вероятно, был знаком, если действительно Цицерон издал его поэму. Уже появились первые римские риторика: так называемая «Риторика к Гереннию» и равняя риторика Цицерона (*de inventione*). Мы не знаем достоверной биографии Лукреция; может быть, его ораторское искусство объясняется влиянием риторической школы, которую он прошел. Во всяком случае, ораторские приемы начинают проникать в разные виды литературы этого времени, причем если поэты прибегают к приемам оратора, то и ораторы усваивают приемы поэтов; так, например, если у Лукреция мы находим известное олицетворение природы (III, 931—971), то и Цицерон олицетворяет образ отечества (*Catilin.*, VII, 17; VIII, 19) и т. д.

Риторика Лукреция была вызвана самым характером его поэмы и питалась той страстностью, с которой он убеждает читателя в истинности своего учения. Вопрос об ораторских приемах Лукреция соприкасается с общей проблемой его изучения — с проблемой поэтики и стиля Лукреция вообще, куда войдет и изучение его языка, функции его архаизмов, неологизмов и народных элементов. Все это должно изучаться не формально, а в связи с содержанием поэмы и мировоззрением поэта-философа.

Проф. Н. Ф. Дергачи